

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81`27

doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-96-104

ГЕНДЕР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА)

© *Наталья Михайловна Усенко*

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

nusenko5@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются грамматические проекции гендера. Они не исчерпываются только численным ростом феминитивов, но связаны с социокогнитивной обусловленностью и неоднозначной прагматикой морфологических форм в различных типах дискурса. Анализируются именно эти аспекты грамматических экспликаций гендера. Устанавливаются интерпретирующие функции феминитивов в различных коммуникативных условиях. На материале современных русскоязычных медиа показана репрезентация гендера (понимаемого как «социальный пол») в словоформах грамматической категории рода антропоморфных имен.

Ключевые слова: когнитивная социолингвистика, гендер, гендерная лингвистика, грамматика, морфологическая категория рода, синтактика категории рода.

Для цитирования: Усенко Н.М. Гендер как социальный конструкт: грамматические проекции (на материале современного медиадискурса) // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 105. № 4. С. 96-104 doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-96-104

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Gender as a social construct: grammar projections (based on the modern media discourse)

© *Natalia M. Usenko*

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

nusenko5@gmail.com

Abstract. Grammatical projections of gender are considered. They are not limited only to the numerical growth of feminines, but are associated with sociocognitive conditionality and ambiguous pragmatics of morphological forms in various types of discourse. It is these aspects of grammatical explications of gender that are analyzed. The interpretative functions of feminines in various communicative conditions are established. Based on the material of modern Russian-language media, the representation of gender (understood as “social gender”) in the word forms of the grammatical category of the genus of anthropomorphic names is shown.

Key words: cognitive sociolinguistics, gender, gender linguistics, grammar, morphological category of the genus, genus category syntactics.

For citation: Usenko N.M. Gender as a social construct: grammar projections (based on the modern media discourse). *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 105. No 4. P. 96-104 doi: 10.18522/2070-1403-2024-105-4-96-105

Введение

Конструкт «гендер» за почти сорок лет легитимного существования в отечественной лингвистике претерпел существенные изменения, обусловленные социокогнитивными факторами. Однако признание от пятидесяти до трехсот «гендеров», к счастью, не стало трендом. Окололингвистические труды, в которых, например, рекомендуется вместо слов «гей», «гомосексуал» политкорректно говорить «МСМ», то есть «мужчины, имеющие секс с муж-

чинами» [4, с. 180], у нас единичны. С одной стороны, признано, что геи, лесбиянки, бисексуалы, трансгендеры должны быть как полноценные личности уравниены с представителями традиционных отношений, а с другой – новыми поправками ужесточается Закон о запрете пропаганды ЛГБТ, принятый еще в 2013 г.

Ограничение самой этой тематики сделает излишней и собственно лингвистическую рефлексию. Ср. замену в официальном дискурсе стран Европы и Америки слов «отец» и «мать» на «родитель номер один» и «родитель номер два», институциональное внедрение третьего пола и «дополнительных средств выражения», «в гротескном виде отражено в выступлении депутата бундестага Штеффена Кенигера», который «все отведенное для выступления время потратил на приветственное обращение с упоминанием всех видов гендера» [12, с. 115].

Российская гендерная лингвистика, оформившаяся на базе Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в 90-х гг. прошлого века, и тогда, и сейчас разрабатывала свою проблематику на основе традиционного понимания гендера.

Гендерные исследования иногда относят к категории «модных» направлений (ср. название статьи «Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании» [22, с. 146], хотя, по нашим наблюдениям, пик интереса к категории «гендер» остался в прошлом – в начале 2000-х гг. В любом случае, грамматические проекции этого конструкта были и остаются не самой исследованной областью гендерной лингвистики. «Практически нет работ, в которых рассматривается взаимосвязь гендера с отдельными грамматическими категориями» [24, с. 62]. Поэтому мы сосредоточимся на соотношении гендерного фактора и грамматической категории рода, наиболее тесно связанной с гендером и по сути являющейся его экспликатом в лексико-грамматической системе языка (естественно, это справедливо для языков с развитой категорией рода, как русский, или языков с редуцированной категорией рода, как в английский).

На материале современных русскоязычных медиа показана репрезентация гендера (понимаемого как «социальный пол») в словоформах грамматической категории рода антропоморфных имен. Потребовалось сочетание системно-описательного метода с приемами внутриязыкового сопоставления, социолингвистической и лингвопрагматической интерпретации маскулинных и феминных обозначений.

Обсуждение

На современном этапе развития гендерологии можно считать хорошо изученными многие аспекты гендера, к которым следует отнести гендерную составляющую языкового сознания и признаки мужской и женской речи. Гендерная лингвистика прошла длинный путь от пионерской работы Робин Лакофф, перечислившей многие очевидные приметы женской речи (типа повышенной эмоциональности и специфических цветовых прилагательных), до признания «опасности слишком широких обобщений, неточности простых, лежащих на поверхности и кажущихся убедительными решений». Язык мужчин, как оказалось, не является кардинально отличным от языка женщин, не образует какого-то единого стиля или нормативной системы» [8, с. 44], что, конечно, не отрицает важности исследования идентификационных и диагностических признаков мужской и женской речи в области судебной лингвистики и теории идентификации.

Уход от глобальных стереотипных трактовок мужского и женского языка вызывает к жизни иные подходы, а именно – анализ локальных проявлений гендера в сфере отдельных социальных практик или во взаимодействии с отдельной грамматической категорией. Так, в работе: [24] на материале текстов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере исследованы гендерные особенности детской речи применительно к грамматическим категориям и установлено, что, например, употребление переходных глаголов является более характерным для речи мальчиков, которые чаще выступают в роли агента; имеются различия в использовании модальных глаголов: в речи мальчиков преобладает модальность уверенности, у девочек – модальность возможности; если употребление изъяснительного

и сослагательного наклонения не гендероспецифично, то при использовании повелительного наклонения явное преимущество в речи мальчиков и т.д.

Показателен особый интерес к такому лексико-грамматическому явлению, как феминитивы [1; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 14; 21; 27; 28; 29], в которых часто видят значимую примету языка эпохи новых коммуникационных технологий, одно из новшеств языка XXI в. [11, с. 4]. Между тем, феминитивы – вовсе не новшество современного языка, и слово *поэтка*, вокруг которого сломано столько копий [2; 3], функционировало в русском языке (естественно – на периферии, а не в ядерной зоне) еще в 200 лет назад. Что касается западной гендерологии, то там феминитивы однозначно признаются проявлением сексизма, не соответствующим принципам политкорректности. В то же время «в ряде славянских и романо-германских (кроме английского с его тенденцией к гендерной нейтрализации) языков наблюдается увеличение числа феминитивов, обусловленное расширением функций разговорной речи» [11, с. 7].

При узком подходе к сущности грамматического рода феминитивы вообще оказываются вне этой словообразовательной категории, ибо *поэт – поэтесса – поэтка* – это разные слова, но никак не формы одного слова (на формы похожи разве что единичные случаи типа *раб-раба, супруг-супруга*). Однако регулярность самого явления – образования женских коррелятов от антропонимов и зоонимов мужского рода – делает его фактом системы, а в свете идей лексической грамматики [25; 26] ригористическое противопоставление лексического и грамматического уровней вообще представляется неактуальным.

Активизация в русском языке XXI в. феминитивных обозначений оценивается в высшей степени эмоционально. «...внедрение феминитивов становятся сегодня частью общественного дискурса, опережая или игнорируя лингвистические данные исследования» [12, с. 127]; именно феминитивы «служат импульсом для активизации лингвистического мышления носителей языка» [11, с. 13]. Оценки нередко оказываются диаметрально противоположными. С одной стороны, есть мнение, что феминитивы-окажионализмы типа авторка, редакторка «ничего, кроме смеха, не вызывают» [21, с. 134], а с другой стороны, этим формам приписывается достаточная степень регулярности, воспроизводимости, отчетливое движение в сторону узуальности и нормативности [17]. Представляется, что объяснительной силой может обладать осмысление категории грамматического рода вообще и феминных обозначений в частности с точки зрения конструирования гендера, то есть с учетом свойств культурного, социального и психологического порядка, которые значимы для идентификации мужчин или женщин. Социокультурная природа гендера играет центральную роль в этом процессе.

Широкое использование феминитивов в русском языке XXI в. рассматривается как результат феминистского активизма, то есть деятельности, направленной на борьбу с лингвистической дискриминацией в «андрогенных» языках типа русского [15; 16; 18]. В то же время феминистские движения постулируют необходимость преодоления сексизма, который проявляется в том числе в подчеркнутых указаниях на пол (с помощью аффиксов маскулинности и феминности). Именно вследствие такой установки в англоязычных словарях, как известно, предлагаются замены сексистской лексики на нейтральные слова. Из русских словарей никто не предлагал устранить слова типа *поэтесса* как сексистские. Налицо противоречие: андрогенный язык рисует картину мира в пользу мужчин (слова типа *врач* только мужского рода, обычный порядок слов *мужчины и женщины*, а не наоборот), однако исправление этого недостатка формирует сексистские обозначения, что тоже нехорошо. Ср. медийную шутку по этому поводу:

С. Лавров, глава МИД: «В современном мире термин «омбудсмен» может оказаться политически некорректным. Лучше говорить что-нибудь совсем нейтральное – «омбудперсон». Эх, неполиткорректно назвали советскую комедию. Надо было «Джентльперсоны удачи» (Аргументы и факты, 2021, № 42. С. 2).

Родовую оппозицию в системе антропонимов индоевропейских языков справедливо рассматривают как привативную, в которой разграничиваются маркированный женский род, подчеркнуто указывающий на женский пол, и немаркированный мужской род, оставляющий

признак пола невыраженным, а потому пригодный для именованя класса вообще. Последнее обстоятельство делает формы мужского рода приемлемыми для тех случаев, где биологический пол не важен, не подчеркивается (*Школе требуется учитель русского языка*). Вследствие понятных социальных причин многие названия профессий, должностей оказались в русском языке словами исключительно мужского рода.

И коррелятивные родовые формы от них (рожденными новыми социальными условиями – распространением соответствующих видов деятельности среди женщин) далеко не всегда становятся узуальными и нормативными. Причины, в общем, понятны: *докторша* не станет нормативным обозначением женщины-врача вследствие особой семантики суффикса -ш ('жена по мужу', причем этот суффикс использовался для наименования жен высокого звания – *адмиральша, генеральша, министрша*, однако в любом случае означал 'подвластность хозяину'), а *врачиха* – вследствие пейоративности суффикса -их (с помощью этого суффикса назывались «жены низкого звания» – *дворничиха, слесариха* или самки животных – *крольчиха*).

Наиболее нейтральный суффикс -к: он не отягощен иными (кроме феминности) смыслами и отрицательными коннотациями, с его помощью образуются модные сегодня слова типа *блогерка, режиссерка*, которые как будто имеют шансы стать узуальными и нормативными. Однако «значительная часть самих этих феминитивов являются ущемленными по сравнению с номинациями мужского рода в стилистическом отношении в силу наличия у них разговорной окраски и сниженной оценочности – авторка, депутатка, пресс-секретарша» [21, с. 129]. Цитируемый автор вообще назвал одну из своих статей «Стремление к выражению гендерного равноправия как разрушитель русской грамматики» [20], где к разрушительным явлениям отнесены не только феминитивы, но семантическая атрибуция типа *хорошая врач*.

Если не разрушение, то некоторая трансформация грамматики в рассматриваемой сфере есть неизбежное следствие недостаточной выраженности феминности. В свое время М.В. Ласкова [16] обратила внимание на ущербность конструкций типа *Евгений Примаков женился на своем лечащем враче*, в которых действительно мужской род слова *врач* входит в диссонанс с общим смыслом.

В силу тематической специфики (номинации профессий, социальных ролей) феминитивы заведомо не будут частотными в повседневном общении, в разговорном стиле, а в книжных стилях их использование всегда было и пока остается ограниченным. Их активизация в русском языке именно сейчас, а не в XX в., связана, по-видимому, с тем, что роль официально-делового стиля в общей конфигурации стилей изменилась, редуцировалась, в то время как разговорно-просторечная и даже субстандартная стихии активизировались. При этом остается актуальным замечание А. Твардовского, зафиксированное в русской грамматике [19, с. 467], о коммуникативной природе гендерной нормативности (*врачиха* – оскорбительно только в присутствии объекта номинации, но лишено пренебрежения в иных условиях). Конечно, это наблюдение не означает, что медийные феминитивы заведомо не будут иметь пейоративной прагматики. Напротив, как показывает практика, пейоративность – одна из основных функций элиминированных лакун в сфере категории рода.

Род, как грамматическая категория с семантической доминантой, имеет социально-детерминированное языковое воплощение. Как свидетельствуют наблюдения за словоупотреблением в современных медиа, чрезвычайно актуальны пейоративные обозначения политиков женского пола, преимущественно из стран «коллективного Запада»:

Две недели назад мы писали о том, как потомственная евробюрократка рядится в одежды французской националистки для консолидации правых протестных настроений... <...> Итог выборов показал не только верность председательницы «Национального объединения» этому нехитрому плану, но и куда более занятные вещи. <...> С одной стороны, причиной этой умеренности на внутрифранцузском фронте стала беззубость Ле Пен – о том, что кандидатка не представляет серьезной угрозы для Макрона, говорили еще перед первым туром. <...> Не будем всерьез считать Марин марги-

нальной **оппозиционеркой** и искренней **противницей** НАТО и Евросоюза... (К. Зайцев «Итоги борьбы нанайских девочек» // Завтра, 2022, № 16. С. 2); *Очередной могильщицей Вашингтона, похоже, станет спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси... Престарелая демократка с безумными глазами оказывается в центре скандалов чаще, чем Хантер Байден, но неизменно выходит сухой из воды. <...> Да, она выглядит так, словно заступила на свой пост 538 лет назад – тот самый срок, который понадобился бы 82-летней номенклатурище, чтобы заработать эту сумму...* (К. Зайцев «Потому что мы Пелоси» // Завтра, 2022, № 30. С. 2); *А тут еще одна оппозиционерка, протезе «Умного голосования», депутатка районного масштаба Хельга Пирогова грязно оскорбила погибших русских воинов, вроде как свалила из России после возбуждения против нее уголовного дела* (Д. Попов «Путинская зима посреди лета» // Московский комсомолец, 27 июля – 2 августа 2022 г. С. 6); *Мы будем ссылаться на некоего британского ученого, который работал консультантом еще у железной британской премьерши Маргарет Тэтчер <...> Западная коалиция, со всем своим оружием, ничего не смогла сделать не только с Ираком, откуда она драпанула, но и с Афганистаном, откуда драпанула еще проворнее* (А. Угланов «Откровения старого британца» // Аргументы недели, 2024, № 14. С. 1).

Как видим, пейоративные феминитивы, наряду с иными единицами сниженного регистра (*свалила, драпанула*), формируют определенную стилистику.

Другое важное свойство современных феминитивов (особенно с суффиксом -к) – это возможность выразить определенную позицию, эксплицировать известные взгляды в сфере гендерной проблематики. *Авторка, режиссерка, поэтка* – характерно для так называемой «фем-поэзии» и для речи активисток феминистских движений. «Поэтками называют себя те, кто сознательно продвигает идеи феминизма» (телепередача «Фигура речи», 25 ноября 2021 г.). То есть, имеет место не просто элиминирование лакун категории рода (восстановление незаполненной ячейки в системе), но выражение с помощью элиминированной формы определенных взглядов.

Есть, однако, мнение, что происходит расширение приверженцев такого способа номинации: «...если еще несколько лет назад слово *авторка* можно было встретить только в узком кругу активисток, то сейчас *блогерки, кураторки и организаторки* становятся мейнстримом» [4, с. 211]. Думаем, что утверждение насчет мейнстрима явно преждевременное. В документах Московского Международного кинофестиваля 2021 г. мелькнула номинация *режиссерка*, но широкого распространения в прагматически нейтральных текстах она не получила. Пока эти формы тесно связаны с определенными идеологическими устремлениями и даже с конкретными социально-историческими обстоятельствами. Недаром в статье, где речь идет об уехавших из России после начала СВО, сказано, что «Россия проживет спокойно без *авторок и блогерок, без рэперов и модельеров*» (О. Туханина «Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте!» // Комсомольская правда, 20–27 апреля 2022 г. С. 5).

В свое время В.В. Колесов указывал на такое отличие женского и мужского языка: женщины любят словообразовательные новшества типа *докторша, докторица*, а мужчины – нет [13, с. 221], однако каких-либо доказательств – примеров или статистических данных – не привел. Вряд ли это справедливое мнение. У М. Булгакова в «Собачьем сердце» именно женщина говорит: «*Я, как заведующий культотделом дома...*» и поправляет ее профессор Преображенский: «*За-ве-дующая...*». Хорошо известно, что слово «поэтесса» не терпели именно женщины – М. Цветаева, А. Ахматова и Б. Ахмадулина. И современный материал не подтверждает какой-то общей склонности женщин к таким номинациям. И. Фуфаева приводит пример такой непримиримой позиции: «Когда меня кто-то называет «художница», я свирепею и вежливо прошу это слово ко мне не применять. Есть профессия «художник», профессии «художница» нет» [23, с. 13]. Ср. также усиленную отрицательную коннотацию формы женского рода, используемую для

лиц мужского и женского пола: ...*за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, ... и чемпионы неудачи – нервные хипстерки обоего пола, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру* (В. Маратовский «Русский индивидуализм против шкурности» // Культура, 30 июня 2022. С. 3).

Еще одна причина активизации феминитивов – обозначение трансгендерных людей. Ср. заголовок статьи *Адмиралка и прочие «диверсити»* (Московский комсомолец, 20–26 июня 2022 г. С. 6), где речь идет о трансгендерном адмирале США Рейчеле Левине, чья фотография в женской одежде размещена там же.

В феминитивах-воинских званиях наиболее ярко проявляется социальная природа гендерного конструкта. Феминитив *лейтенантка* использовал в свое время А. Солженицын («В круге первом»), и у него это было одним из проявлений борьбы с «тоталитарным» языком, с его «холостящим» обычаем. В приведенном примере со словом *адмиралка* совсем иная подоплека, иные обстоятельства возникновения и иная прагматика.

Однако ведущей функцией нестандартных феминитивов все-таки является пейоративная оценка, которая может формироваться у самых высоких мелиоративов, ср.:

...нахожу абсолютно недопустимым проведение школьных олимпиад по обществознанию, на которых от старшеклассников требуется «давать развернутые аргументированные ответы» на вопрос о том, почему космополитизм лучше патриотизма. А именно к таким выводам неизбежно подталкивает молодых людей статья американского философа Марты Нуссбаум, предложенная им для «осмысления» организаторами всероссийской олимпиады «Высшая проба» (ее ежегодно проводит НИУ ВШЭ).

Вот ключевая цитата из работы заокеанской мыслительницы: «Ни одна тема не развита в стоицизме так глубоко, как вред, наносимый политической жизни фракционностью и местными привязанностями. Политическое обсуждение... постоянно срыгается из-за фанатичных привязанностей к своей «цирковой группе» или к нации. Только связав себя с мировым сообществом справедливости и разума, нам удастся избежать этих опасностей». <...> Интересно, что Марта Нуссбаум и организаторы олимпиады «Высшая проба» под этим пафосным названием подразумевают: некую придуманную древними греками и никогда не существовавшую в действительности геополитическую структуру или же нынешнюю мировую элиту (откровенных сатанистов, вырожденцев, устроителей геноцида по всей планете)? (Н. Михалков «Раскрыть и обезвредить» // Журнал Никиты Михалкова «Свой», март 2024 г. С. 2).

Важно отметить, что ироничное звучание феминитива «мыслительница» вряд ли имеет чисто контекстную природу, ибо трудно представить, чтобы при каких бы то ни было условиях эта форма может сохранить первоначальное мелиоративное наполнение, свойственное слову «мыслитель».

Выводы

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Активизация феминитивов (как старинных типа *поэтка*, так и образованных от неологизмов типа *блогерка*) обусловлена рядом факторов. Как и прежде, есть потребность при определенных коммуникативных условиях обозначить гендерную дифференциацию, усилить значение феминности, что и реализуется с помощью анализируемых форм. Некоторое влияние на распространение феминитивов имеет феминистский дискурс. Однако думаем, что главным образом повлияло общее изменение стилевой системы в пользу разговорной стихии, что отчетливее всего видно на примере языка медиа. Если в административном и образовательном дискурсах новых феминитивов по-прежнему практически нет, то в политических медийных текстах они представлены широко. И, как показывает исследованный материал, они появляются там не для того, чтобы особым образом акцентировать феминность, а прежде всего – для выражения всех оттенков пейоративности.

Список источников

1. Антонова Е.Б. Проблемы внедрения феминитивов-неологизмов в языковую систему современного русского языка // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 227–233.
2. Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6–22.
3. Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
4. Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: АСТ, 2021. 224 с.
5. Брусенская Л.А., Беляева И.В. Гендерные парадоксы в современном медиапространстве // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3. С. 93–97.
6. Ван Яньбин. Новейшие феминитивы и их отражение в Викисловаре и в языке Интернета // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. Материалы III международной научно-практической конференции / Под ред.: В.П. Абрамова и др. Краснодар: КубГУ. 2018. С. 68–70.
7. Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 228 с.
8. Григорян А.А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на западе в конце XX – начале XXI веков // Дис. докт. филол. наук. Иваново, 2005. 372 с.
9. Гузаерова Р.Р. Феминитивы в русскоязычном медиапространстве: словообразовательный аспект // Автореф. дис. канд. филол. наук. Казань. 2021. 22 с.
10. Диденко А.С., Садченко В.Т. Феминитивы в современном русском языке // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29). С. 205–207.
11. Замышляева Ю.С. Функционирование феминитивов в современной коммуникации: прагматический и стилистический аспекты // Автореф. дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 18 с.
12. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109–147.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
14. Куликова Э.Г. Точность речи и грамматическая категория рода в современном русском языке // Мир русского слова. 2023. № 1. С. 22–28.
15. Лазарев В.А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 256 с.
16. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики // Дис. докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 302 с.
17. Мазикина Л. Малый справочник феминитивов. М.: Издательское решение, 2020. 40 с.
18. Пугачева Е.В. Феминитивы как объект метаязыковой рефлексии интернет-пользователей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 97–105.
19. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
20. Степанов С.П. Стремление к выражению гендерного равноправия как разрушитель русской грамматики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2 (98). С. 90–94.

21. Степанов С.П. Процесс образования феминитивов как сфера борьбы за равенство полов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6 (126). С. 129–135.
22. Томская М.В. Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании // Язык и мода: Сборник статей / Отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2017. С. 146–158.
23. Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2021. 301 с.
24. Четверикова В.Н. Грамматическая реализация гендерной специфики (на материале текстов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере) // Дис. канд. филол. наук. Иваново, 2019. 157 с.
25. Шарандин А.Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 13–28.
26. Шарандин А.Л. Лексическая грамматика как объект когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 72–79.
27. Baxter J. Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press: A Poststructuralist Approach. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2018. 157 p.
28. Gritsenko E.S., Laletina A.O. Transgressive Russianness: Claiming authenticity in the Russian woman assemblage // Russian Journal of Linguistics. 2023. No. 27 (1). P. 173–193.
29. Hvenegård-Lassen K. Disturbing Femininity // Culture unbound: Journal of current cultural research. 2013. No. 2. P. 153–173.

References

1. Antonova E.B. Problems of introducing feminitives-neologisms into the linguistic system of the modern Russian language // Young Scientist. Modern Russian. 2020. No. 26 (316). P. 227-233.
2. Berkutova V.V. Feminitives in the Russian language: a historical aspect // Philological aspect. 2018. No. 11 (43). P. 6-22.
3. Berkutova V.V. Feminitives in the Russian language: a linguistic aspect // Philological aspect. 2019. No. 1 (45). P. 7-26.
4. Bobyleva M. We say so. Offensive words and how to avoid them. Moscow: AST, 2021. 224 p.
5. Brusenskaya L.A., Belyaeva I.V. Gender paradoxes in the modern media space // Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism. 2023. No. 3. P. 93-97.
6. Wang Yanbing. The latest feminitives and their reflection in Wiktionary and in the language of the Internet // Topical issues of modern philology: theory, practice, prospects of development. Materials of the III International scientific and practical conference / Edited by V.P. Abramov et al. Krasnodar: KubSU. 2018. P. 68-70.
7. Garanovich M.V. Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russians. Perm: Perm State National Research University, 2020. 228 p.
8. Grigor A.A. The state and prospects of genetic engineering in the West at the end of the XX – beginning of the XXI centuries // grand PhD. Of Philology Dis. Ivanovo, 2005. 372 p.
9. Guzaerova R.R. Feminitives in the Russian-speaking media space: the word-formation aspect // Abstract of the PhD. Of Philology Dis. Kazan. 2021. 22 p.
10. Didenko A.S., Sadchenko V.T. Feminitives in modern Russian // Modern scientific research and development. 2018. No. 12 (29). P. 205-207.

11. *Zamyshlyayeva Yu.S.* The functioning of feminitives in modern communication: pragmatic and stylistic aspects // Abstract of the PhD. Of Philology Dis. Chelya-binsk, 2023. 18 p.
12. *Kirilina A.V.* Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium // First, the questions of psycholinguistics. 2021. No. 3(49). P. 109-147.
13. *Kolesov V.V.* Language and mentality. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2004. 240 p.
14. *Kulikova E.G.* Accuracy of speech and grammatical category of gender in modern Russian // The world of the Russian word. 2023. No. 1. P. 22-28.
15. *Lazarev V.A.* Morphological categories: anthropocentric and linguocultural aspects of interpretation. Rostov-on-Don: IPO PI YUFU, 2009. 256 p.
16. *Laskova M.V.* Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics // PhD. Of Philology Dis. Rostov-on-Don, 2001. 302 p.
17. *Mazikina L.* Small handbook of feminitives. M.: Publishing solution, 2020. 40 p.
18. *Pugacheva E.V.* Feminitives as an object of metalanguage reflection of Internet users // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. No. 5 (148). P. 97-105.
19. Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. M.: Nauka, 1980. 784 p.
20. *Stepanov S.P.* Striving for the expression of gender equality as a destroyer of Russian grammar // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics. 2016. No. 2 (98). P. 90-94.
21. *Stepanov S.P.* The process of formation of feminitives as a sphere of struggle for gender equality // Izvestiya St. Petersburg State University of Economics. 2020. No. 6 (126). P. 129-135.
22. *Tomskaya M.V.* The study of gender as a manifestation of the “research fashion” in Russian linguistics // Language and fashion: A collection of articles / Ed. by N.N. Troshina. M., 2017. P. 146-158.
23. *Fufaeva I.* What are women called. Annotations: history, art, competition. M.: Publishing house: CORPUS, 2021. 301 p.
24. *Chetverikova V.N.* Grammatical realization of gender specificity (based on J.K. Rowling's texts on Harry Potter) // Abstract of the PhD. Of Philology Dis. Ivanovo, 2019. 157 p.
25. *Sharandin A.L.* Methodology of lexical grammar // Interaction of vocabulary and grammar in the Russian language: problems, results and prospects. Tambov: G.R. Derzhavin TSU, 2009. P. 13-28.
26. *Sharandin A.L.* Lexical grammar as an object of cognitive linguistics // Questions of cognitive linguistics. 2015. No. 3. P. 72-79.
27. *Baxter J.* Women leaders and gender stereotypes in the British press: a post-structuralist approach. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2018. 157 p.
28. *Gritsenko E.S., Laletina A.O.* Transgressive Russianness: claims to authenticity in the Russian women's community // Russian Linguistic Journal. 2023. No. 27 (1). P. 173-193.
29. *Hvenegord-Lassen K.* Disturbing femininity // Culture unbound: Journal of current cultural research. 2013. No. 2. P. 153-173.

Статья поступила в редакцию 22.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 16.07.2024.

The article was submitted 22.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 16.07.2024.